

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 20.

15 ОКТЯБРЯ

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

- А. Куприна.* „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.
- Н. Манасвина.* Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чумаковой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.
- П. Соловьевой (Allegro).* „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.
- Анатолий Франсъ.* „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасвиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.
- М. С. Безобразовой.* „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.
- В. П. Поливанова.* „Воронъ“—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

- В. Малахѣва-Мировичъ.* „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.
- О. Бьялевская.* „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- „Семилѣтка“. Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- Джонъ Лондонъ.* „Буеъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасвиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.
- Allegro.* Отвертѣи въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.
- Н. Манасвиной.* „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.
- П. Соловьевой (Allegro).* „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.
- П. Соловьевой.* „Первое Апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйстви. Цѣна **15** к.
- На выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» журналъ «Тропинка» получилъ за свои изданія малую золотую медаль.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Октябрь № 20.

ЖУРНАЛЪ

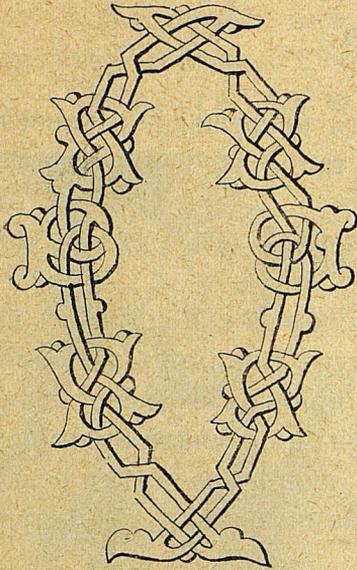
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Октябрь—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
2. Кикимора—сказка *Н. Манасеиной*. Съ рисунками *Т. Гиппиусъ*.
3. Кольцовъ—*П. Мамаева*.
4. Исторія воздухоплаванія—*Л. Егорова*. (Продолженіе).
5. Приключенія Алисы въ странъ чудесъ—*Льюиса Керроль*. Переводъ *Allegro*. (Окончаніе).
6. Вѣсти отовсюду.

Октябрь.

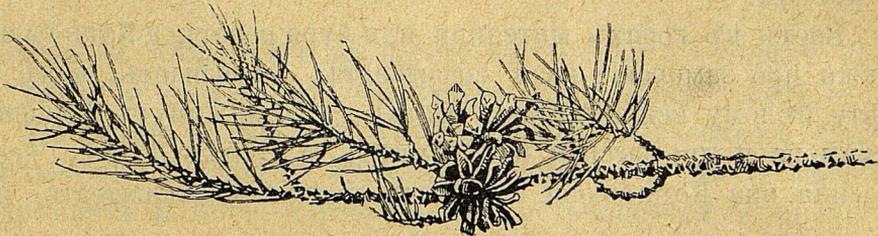

ТКРЫЛА бабушка сундукъ,
Достала вязаный платокъ,
Ротонду лисью и чулокъ,
Что начала вязать весною;
Да кто-то стукнулъ за стѣною,
Не то въ окошко: тукъ-тукъ-тукъ.

Зачѣмъ ты, бабушка, спѣшишь?
Еще не всякій листъ летить:
Иной храбрится и висить!
Еще не всѣ грибы мы сняли!
И кто ты тамъ, съ какой печали
По окнамъ ходишь и стучишь?

Смѣется бабушка, молчить,
Въ платокъ закуталась плотнѣй,
И засмѣялись спицы съ ней.
А кто ходилъ и въ окна стукаль,
Деревья тихо побаюкаль,
И вотъ безъ листьевъ лѣсъ стоитъ.

Сергѣй Городецкій.

Кикимора.

ПОДХВАТИЛА нечистая сила дитя некрещеное и занесла его за тридевять земель въ тридесятое царство къ Колдуну въ каменныхъ горахъ.

Полюбилось дитя Колдуну, и порѣшилъ онъ сдѣлать изъ него Кикимору.

Цѣлыхъ семь лѣтъ просидѣла Кикимора у Колдуна въ каменныхъ горахъ. Поилъ кормилъ Колдунъ Кикимору медвяной росой, въ банѣ парилъ шелковымъ вѣникомъ, расчесывалъ ей волосы золотымъ гребнемъ. А чтобы не скучала Кикимора, Колдунъ ее по пещерамъ каменнымъ гулять водилъ и всякіе камни самоцвѣтные ей показывалъ. Камней тѣхъ у Колдуна было видимо-невидимо.

А какъ сумерки подходили, Колдунъ заводилъ игры всякія, веселилъ Кикимору и слѣпымъ козломъ и жмурками.

Приустанеть играть Кикимора, Колдунъ ей Кота-баюна пошлетъ. Хорошо было подъ его мурлыканье вечера коротать.

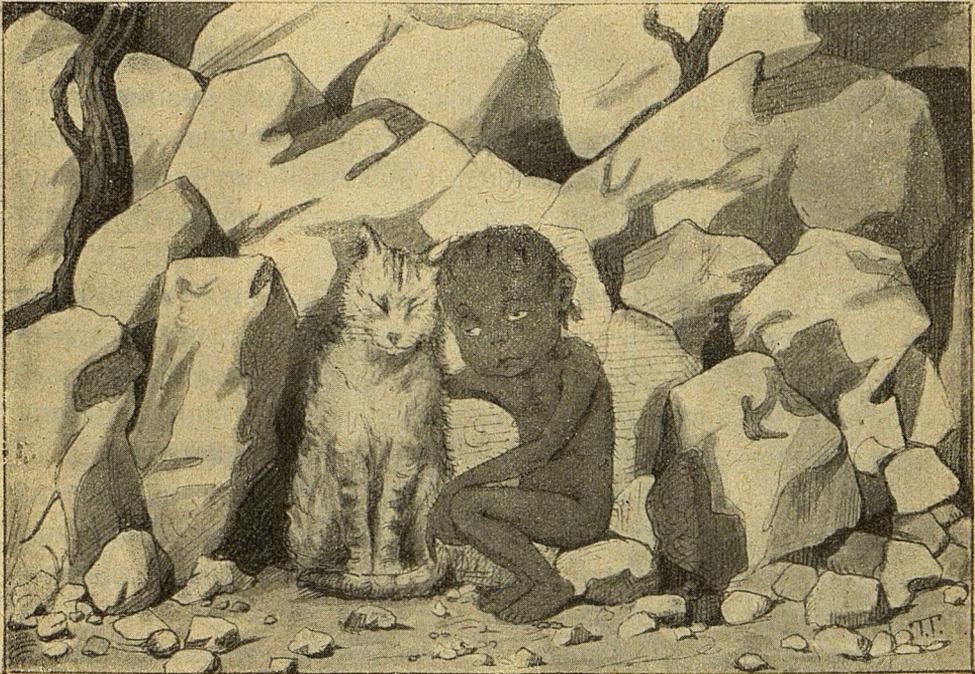
Садилась Кикимора съ Котомъ-баюномъ рядышкомъ, къ теплой шубкѣ его прижималась, тоненькими пальчиками лапочки съ мягенькими на концахъ подушечками перебирала, а Котъ-баюнъ коготки поглубже запрятывалъ, Кикимору царапать не хотѣлъ.

Воетъ въ горахъ мятелица или буря реветъ, а Котъ-баюнъ сказки про заморскіе края сказываетъ. Сказываетъ, какъ по свѣту бѣлому всякіе звѣри, птицы да люди живутъ. Слушала Кикимора и про звѣрей и про птицъ, а только больше всего просила она Кота-баюна про родъ человѣчій сказывать, про

то, какъ люди во своихъ городахъ съ пригородками да въ деревняхъ съ приселочками живутъ-поживаютъ.

— Захотѣлось мнѣ хоть однимъ глазкомъ на нихъ поглядѣть,—говоритъ Кикимора.

— Ну вотъ еще, что придумала,—мурлычетъ Коть.—Мы

Садилась Кикимора съ Котомъ-баюномъ рядышкомъ, къ теплой шубкѣ его прижималась.

ли тебя съ Колдуномъ не бережемъ, мы ли не холимъ. Лучше давай я тебя въ хрустальчатую колыбельку уложу.—

Качается колыбелька хрустальчатая, Коть-баюнъ сказки мурлычетъ. Слушаетъ Кикимора, слушаетъ, да и заснетъ. Задремлетъ и Коть, а потомъ оба встрепенутся и опять за

сказки, а потомъ опять спать. Сонъ и сказка, сказка и сонъ, — и такъ до самой утренней зари. А съ зарей оба къ загорному студенцу бѣжали. Кикимора студеной водой умывалась, Коть-баюнъ въ сторонкѣ лапочку слюнявилъ, мордочку вытиралъ. А послѣ умыванья, до вечерней зари они уже врозь жили. Коть-баюнъ ходилъ по своимъ дѣламъ, а Кикимора съ Колдуномъ оставалась.

Такъ и жили. Черезъ семь лѣтъ въ каменныхъ горахъ выросла Кикимора, какъ Кикимора: тонешенька, чернешенька, голова у нея малымъ-малешенька съ наперсточекъ, а туловище не спознать съ соломенкой. Обучилъ Колдунъ Кикимору всякому. Далеко видитъ Кикимора по-поднебесью, скорѣй того бѣгаетъ по сырой землѣ.

Хорошо жилось Кикиморѣ у Колдуна, а только нѣтъ-нѣтъ да и захочется ей Кикиморѣ на родъ человѣчій, про который ей Коть-баюнъ сказывалъ, самой поглядѣть, да узнать, какъ этотъ родъ человѣчій въ своихъ городахъ съ пригородками, да въ деревняхъ съ приселочками живетъ-поживаетъ.

Убѣгала Кикимора изъ горъ каменныхъ, убѣгала на вольный свѣтъ. Тутъ хватали ее злые колдуны, брали Кикимору себѣ въ науку. А только Кикимора той науки хитрой да злорадливой принять не захотѣла.

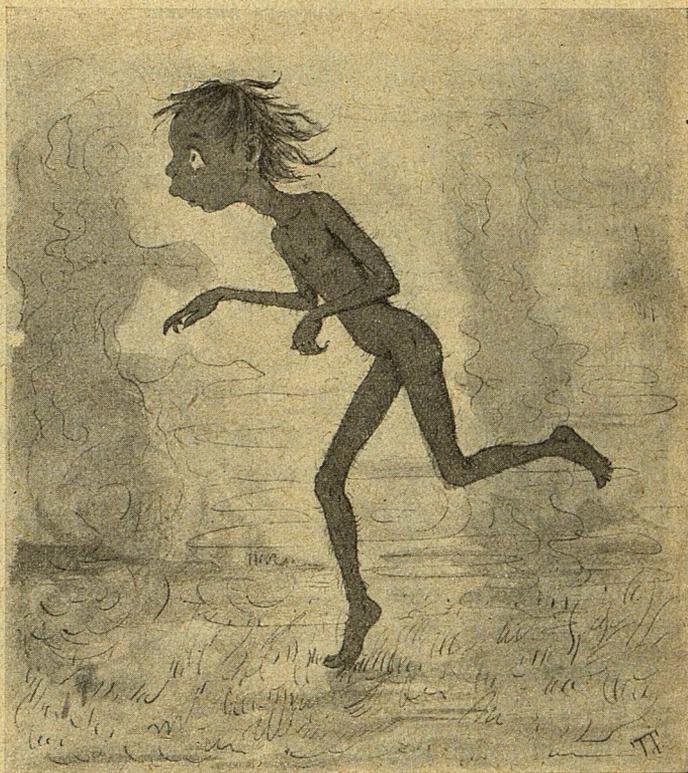
Изловчилась Кикимора, отъ колдуновъ злыхъ убѣжала. Бѣжить она по сырой землѣ, къ людямъ торопится. Бѣжить тонешенька, малешенька, да чернешенька, безъ одежды бѣжить, да безъ обуви, а встрѣчные отъ нея, Кикиморы, такъ и шарахаются. Бабы со страха вопятъ, ребятишки ревмя ревутъ, мужики отплеваются. Никто то ее тонешеньку да малешеньку въ избу къ себѣ не пускаетъ. Промаялась бездомовая день, нѣту ей ни привѣта, ни радости, а ночью къ колдунамъ назадъ прибѣжала. А колдуны-то смѣются надъ ней, потѣшаются:

— Экая ты, Кикимора, скорая,—говорять.—Рано ты отъ насъ ушла, не всему мы тебя научили. Не узнала ты еще, какъ среди дня, словно средь темной ночи, невидимкой ходить. Дальше учись. Придетъ время, мы и сами тебя къ людямъ пошлемъ.

Оставалась у злыхъ колдуновъ Кикимора, а только вытерпѣть до конца опять не могла. Какъ показали ей колдуны невидимкой ходить,—убѣжала отъ нихъ Кикимора.

Бѣжить Кикимора, бѣжить тонешенька, малешенька, да чернешенька, безъ одежды бѣжить да безъ обуви, среди бѣлаго дня, какъ среди ночи темной. Никто ее не видитъ а она на всѣхъ во всѣ глаза такъ и глядитъ, все примѣчаетъ.

Утренникъ крутой да туманный выдался. Съ весны еще чуть подуло, а старыя бабы уже съ пригорковъ снѣгъ сби-

Бѣжить Кикимора, бѣжить тонешенька, малешенька да чернешенька.

раютъ. Мартовскимъ снѣгомъ таяннымъ хорошо холстину бѣлить, да хворыхъ поить. Дѣти съ крышъ амбаровъ весну закликаютъ:

Весна красна!
Что ты намъ принесла?
Красное лѣтничко.

А надъ избами дымокъ вѣется.

Увидала все это Кикимора и обрадовалась:

— Вотъ гдѣ хорошо-то. Дальше и не пойду. Здѣсь и жить буду.

Сунулась въ первую избу Кикимора, а тамъ знахарь силу нечистую выгоняетъ.

Собиралъ знахарь изъ печи золу отъ спаленой соломы, во всѣ углы заглядывалъ, вездѣ золой посыпалъ. Кикиморѣ чуть глаза не засыпалъ. За печку забила Кикимора, и знахарь за печку. На полати забралась Кикимора, голову свѣсила, смотреть, какъ знахарь по избѣ мечется; слушаетъ Кикимора, какъ старый силу нечистую заговариваетъ.

— Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, кикиморамъ, сгинуть да пропасть. А и не жить вамъ, кикиморамъ, на бѣломъ свѣтѣ, не видать травы муравой, не топтать росы медвяной. Заклинаю васъ, кикиморъ, словомъ моимъ крѣпкимъ на вѣки вѣковъ.

Испугалась Кикимора. Съ перепугу вся застыла малешенька, а какъ отошла малость, клубочкомъ съ полатей скатилась. Со страху двери едва разглядѣла. На улицу такъ и вылетѣла. Прямо къ колдунамъ бросилась.

А колдуны-то надъ ней смѣются, потѣшаются.

— И ничего то ты не смыслишь, глупая,—говорятъ.— Въ самые, вѣдь, Грачевники, не спросясь разума, къ людямъ угодила. А въ Грачевники всякая нечисть отъ людей хоронится,

слова людского крѣпкаго, на вѣки нерушимаго, опасается. Сиди, Кикимора, смирно. Смирно сиди, никуда не суйся. Говоримъ мы тебѣ: придетъ часъ—сами тебя выпустимъ.

А пока часъ пришелъ, колдуны Кикимору все по своему обучали. И Кикимора къ ихъ наукѣ точно понятливѣй стала.

А колдуны-то надъ ней смѣются - потѣшаются.

Часъ пришелъ. Отпустили колдуны Кикимору.

Идетъ Кикимора, не бѣжить, а идетъ, потому опасается. Идетъ черненька, тоненька, да маленька, среди дня, какъ среди темной ночи, невидимкой идетъ.

Пришла Кикимора въ деревню, избы оглядѣла, выбрала, какая приглянулась и шастъ въ двери. Проскочила невидимкой, невидимкой за печку залѣзла, голову высунула, глядитъ, хозяевъ высматриваетъ. И чѣмъ больше глядѣла, тѣмъ милѣе хозяева ей становились. И въ избѣ у нихъ ей все приглянулось. Люба и хозяйка порядливая, любѣ и хозяинъ важный да строгій, а больше всего любѣ ей ихъ дѣтки маленькія. Такъ бы вотъ съ ними и разыгралась! И духъ въ избѣ ей по носу. Вспомнилось Кикиморѣ, точно она этотъ духъ слышала. Давно-давно. Раньше того, какъ ее у колдуна въ хрустальчатой колыбелькѣ закачали, такими же щами и свѣжимъ хлѣбомъ и овчиннымъ тулупомъ пахло.

И чьи-то руки теплыя да ласковыя ее обнимали.

Вспомнила это Кикимора и вдругъ, какъ заскучаетъ: живетъ она на бѣломъ свѣтѣ сама по себѣ, нѣтъ у ней ни родного брата, ни родной сестры, нѣтъ ни отца родимаго, ни родной матушки, нѣтъ ни кола, ни двора.

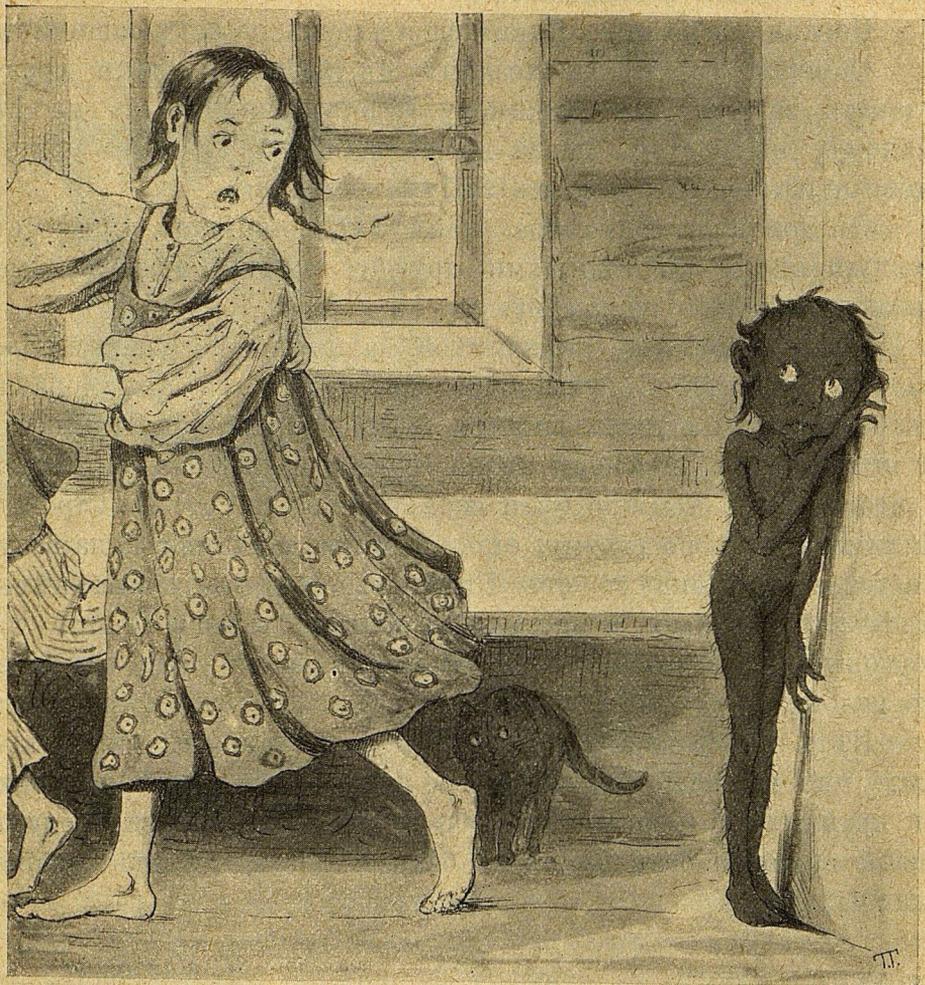
И стала Кикимора хозяевамъ въ родню напрашиваться.

Слышать хозяева голосъ чужой, незнакомый, а кто голосомъ говоритъ—не разобрать. Нѣтъ никого.

Вылѣзала тогда Кикимора изъ за печки, становилась у притолочки сиротиночкой, дѣлалась Кикимора видимкой.

Всполошились хозяева. Баба заголосила, съ перепуга передникъ на голову закинула, дѣти ревмя ревутъ, хозяинъ во всѣ глаза на Кикимору тонешеньку, малешеньку, да, какъ уголь черенешеньку, глядитъ.

— Въ дочки, либо въ сестрички возьмите меня, люди добрые,—молить, пригорюнясь, Кикимора,—я вашимъ дѣточкамъ всѣ сказки заморскія Кота-баюна расскажу, всѣ игры Колдуна въ каменныхъ горахъ покажу. Поиграемъ и въ козла слѣпого и въ жмурки.

— Въ дочки, либо въ сестрички возьмите меня, люди добрые.

Куда тамъ! И не слушаютъ. Баба голосить, ребягишки ревуть, хозяинъ отплеывается.

Поглядѣла на нихъ Кикимора и вдругъ, да какъ зашипить!

Обмерли со страха хозяинъ съ хозяйкой, дѣти сразу плакать забыли. На Кикимору всѣ устались, а она съ шипомъ, да свистомъ да за двери, да на улицу, да съ улицы полями и лѣсами прямо къ злымъ колдунамъ.

Съ той поры Кикимора, какъ всѣ кикиморы, только съ колдунами да съ вѣдьмами дружбу водить, а къ людямъ выходитъ только на пагубу.

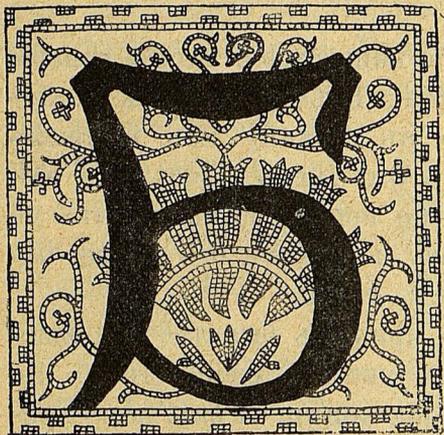
Входитъ въ избу невидимкой, за печкой поселяется. Зло на умѣ держитъ. Съ утра и до вечера гремитъ Кикимора и съ вечера до полуночи шипитъ и свиститъ по всѣмъ угламъ. И ничто то ей Кикиморѣ не по сердцу: и печь не на мѣстѣ, и столъ не въ томъ углу, и скамьи не по той стѣнѣ. Строить Кикимора печь по своему, ставить столъ и скамьи, куда вздумается. И на улицахъ отъ Кикиморы людямъ покоя нѣтъ. Идетъ ли прохожій, а она ему камень подъ ноги, ѣдетъ ли торговый человѣкъ на торгъ торговать, а она ему камнемъ въ голову.

Нѣтъ на Кикимору ни смерти, ни старости, а только жить или не жить — ей самой все равно. Нѣтъ у ней ни тоски, ни кручины, а тоскуетъ она обо всемъ. Цѣлый вѣкъ бродитъ она бездомовая безъ привѣта, безъ радости, мутитъ православный міръ.

Н. Манасеина.

Кольцовъ.

(Родился 2-го Октября 1809 г.).

БЫЛО это давно, больше чѣмъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Поэтъ Жуковскій въ это время былъ назначенъ воспитателемъ наслѣдника и жилъ въ той части Зимняго дворца, гдѣ помѣщается Эрмитажъ. Каждую субботу по вечерамъ у него собирались гости, всего

больше бывало писателей. И какіе писатели! Обычными посѣтителеми этихъ вечеровъ были Крыловъ, Гоголь, Пушкинъ.

Въ одну изъ такихъ субботъ у Жуковскаго появился новый и очень странный гость. Онъ пришелъ въ сапогахъ съ высокими голенищами, въ длиннополомъ сюртукѣ до самыхъ пятъ, въ цвѣтномъ жилетѣ съ распушенной по нему голубой бисерной цѣпочкой. Въмѣсто галстука—шейный платокъ съ бантомъ. Бѣлокурые прямые волосы расчесаны на проборъ и густо напوماжены. Гость сидѣлъ скромно, подбиралъ подъ себя ноги, изрѣдка покашливалъ въ руку. Видно было, что онъ ужасно смущенъ, стѣсняется и вмѣстѣ съ тѣмъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ, что видитъ и слышитъ вокругъ себя. И было ему на кого смотрѣть и что послушать. Знаменитые гости читали вслухъ свои сочиненія, по большей части стихи. И вдругъ хозяинъ обращается къ новому гостю и говорить:

— А теперь мы попросимъ и Алексѣя Васильевича Кольцова сказать намъ какое-нибудь изъ его стихотвореній.

И всѣ, бывшіе въ комнатѣ, какъ одинъ человекъ, повернулись къ странному гостю.

Многіе уже знали Кольцова по книжечкѣ стиховъ, раньше его самого попавшей въ Петербургъ. Всѣмъ хотѣлось послушать поэта-самоучку, занесеннаго въ столицу изъ воронежскихъ степей. Но въ этотъ вечеръ имъ не удалось его послушать. Кольцовъ такъ мучительно переконфузился, что не могъ произнести ни слова. Хозяинъ пожалѣлъ его и не настаивалъ больше, чтобы онъ читалъ стихи.

Потомъ Кольцовъ постепенно привыкъ бывать въ обществѣ, меньше стѣснялся и охотно читалъ свои стихи. Но одежда и манеры его оставались прежними. И всѣ, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться въ первый разъ, прежде всего поражались его страннымъ видомъ. Удивляло всѣхъ и то, какъ онъ читалъ стихи: очень протяжно, точно пѣлъ. Говорили, что и жизнь у него странная. Много разныхъ рассказовъ ходило о томъ, какъ онъ живетъ у себя въ Воронежѣ, и всѣ сводились къ тому, что дома живется Кольцову тяжело. А жилось ему на самомъ дѣлѣ еще тяжелѣе, чѣмъ говорили. И началось это съ самого дѣтства.

По виду все было, какъ будто, и ладно. Маленькій Алеша былъ единственнымъ сыномъ у достаточнаго прасола, т.е. торговца, занимавшагося покупкой и продажей мяса и рыбы. Была у Алеши и нѣжно любившая его мать, были сестры, была и няня Павловна, отъ которой онъ узналъ много сказокъ и пѣсенъ. Все, казалось, было у Алеши для счастливаго дѣтства, а вышло оно тоскливымъ, потому что мальчикъ уродился не въ семью. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него помощника въ своемъ торговомъ дѣлѣ. Самъ онъ былъ мало-

грамотный и сыну далъ поучиться очень немного. Когда Алешѣ исполнилось девять лѣтъ взялъ ему семинариста. Семинаристъ научилъ мальчика кое-какъ читать, писать, считать, разсказалъ ему кое-что изъ священной исторіи. Потомъ Алешу отдали въ уѣздное училище. Училище это находилось за двѣ версты отъ дома Кольцовыхъ. Алеша пробѣгалъ туда цѣлую зиму, а на другую отецъ нашель, что сыну довольно учиться, и что пора ему привыкать къ настоящему дѣлу, т.-е. къ торговлѣ.

Алешу засадили въ лавку. Тамъ было тѣсно, душно и говорили тамъ все о такомъ скучномъ, для него совсѣмъ неинтересномъ. Плохо пришлось бы мальчику, если-бы не книги. Въ училищѣ онъ научился немногому, но книги очень полюбилъ. Бѣда была только въ томъ,

что доставать ихъ было положительно негдѣ. Въ домѣ Кольцовыхъ онѣ не водились. И вотъ, Алеша бѣжитъ за ними на базаръ. Отецъ давалъ ему деньги на лакомства и на игрушки, но вмѣсто нихъ Алеша покупаетъ себѣ сказки про „Бову Королевича“, про „Еруслана Лазаревича“ и про „Емелюшку-дурачка“. Жалкія это были книжки, много было въ нихъ даже безграмотнаго, и рисунки были ужасные, но говорилось въ

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

этих книжкахъ о томъ, что душѣ мальчика было ближе, не только лавки, но и всего отцовскаго дома. Такъ бы и не разставался Алеша со своими книжками, да не тутъ то было. Только рассчитается, только станетъ забывать, что ему надо отпускать рыбу, мясо, сало, да шерсть, только соберется вмѣстѣ съ „Бовой“ или „Ерусланомъ“ на подвиги, какъ вдругъ надъ нимъ отецъ.

— Никакъ ты, Алешка, баклушничаетъ? Опять съ книгами балуешься. Въ лавку бѣги.

И Алеша, зная, что отецъ не любитъ шутить, опрометью бѣжалъ въ лавку, отпускалъ, вѣшалъ товаръ, давалъ сдачу. Только что сжимавшіе волшебный мечъ пальцы отшелкивали костяшки на счетахъ, а въ головѣ, вмѣсто гривенниковъ и пятялтынныхъ копошилось такое, что и на полной свободѣ не разобрать. А тутъ считать надо. А напуталь — опять отецъ, и опять слышится его окрикъ:

— Да одурѣлъ ты что-ли, Алешка? И все это книги, все книги! Охъ, не доведутъ онѣ тебя до добра.

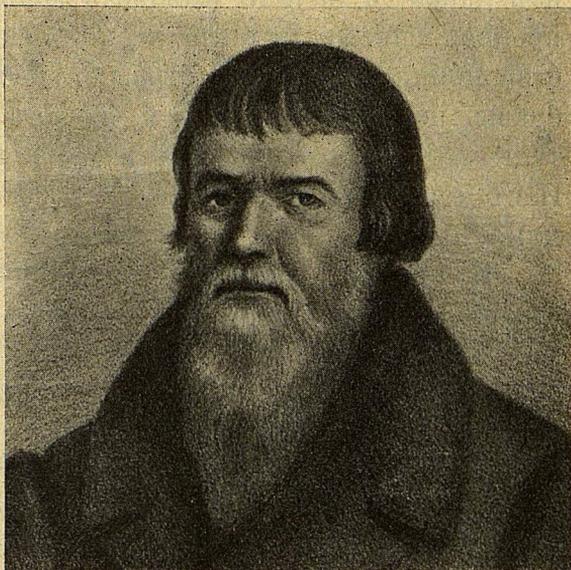
И Алеша вмѣстѣ со своими любимыми книгами старался убраться подальше съ отцовскихъ глазъ.

Во дворѣ кольцовскаго дома стоялъ амбаръ, а въ амбарѣ подъ крышей была крошечная пустая каморка, въ которую никто не заглядывалъ и гдѣ валялся разный ненужный хламъ. Мальчикъ почистилъ каморку, распахнулъ оконце, выходившее прямо въ садъ, устроилъ здѣсь свои книги и прибѣгалъ сюда каждую свободную минуту. Никто въ домѣ не зналъ, гдѣ онъ пропадаетъ, и потому никто ему не мѣшалъ. Неожиданно въ каморкѣ появились и новыя книги.

Въ училищѣ Алеша познакомился съ сыномъ богатаго купца, домъ котораго приходился по сосѣдству съ кольцов-

скимъ домомъ. Оба мальчика были погодки и оба больше всего на свѣтѣ любили книги.

Но пріятель Алеши былъ счастливцемъ по сравненію съ нимъ. У отца его была цѣлая библіотека. Книги собрались случайныя, все больше переводы и плохіе романы, да и книгъ этихъ было не такъ ужъ много, никакъ не больше семидесяти, но Алешѣ показалось, что онъ нашелъ кладъ. И вотъ, вдвоемъ съ пріятелемъ, они принялись за чтеніе. Алеша забѣгалъ къ сосѣду. У него читать было свободнѣе. Тамъ не бранили за книги. Начитавшись съ другомъ иногда до хрипоты, Алеша обыкновенно выпрашивалъ еще какую - нибудь книжку на домъ.

Отецъ Кольцова.

Всѣ книги были ему неизвѣстны, и онъ выбиралъ по виду.

Разъ утащилъ съ собою толстую-претолстую. За толщину и выбралъ ее. Открылъ, сталъ читать и забылъ не только все, что было дома, но и всѣ книги, которыя раньше читалъ, позабылъ. Книга эта была арабскія сказки „Тысяча и одна ночь“. Точно на коврѣ самолетъ, унесло его въ тридесятое царство. А каждый знаетъ, что тридесятое царство—это царство сказокъ и пѣсень, и тому кто, какъ Алеша Кольцовъ,

былъ царевичемъ изъ этого царства, только того и надо было, чтобы попасть туда.

Проснулась дремавшая въ немъ сила, и захотѣлось ему самому что-нибудь сочинить. Примостился мальчикъ въ своей каморкѣ. Одинъ ящикъ поставилъ вмѣсто стола, на другой, поменьше, самъ сѣлъ, взялъ гусиное перо, тайкомъ унесенное изъ лавки, и началъ выводить какія то каракули. Ему и съ прописи списывать было не подь силу, а онъ за сочинительство принялся. Усталъ страшно. Все о чемъ думалъ, выводя буквы, перезабылъ. Такъ и бросилъ. Разказалъ только пріятелю своему, что придумалъ. Тотъ выслушалъ и похвалилъ. И съ той поры Алеша всегда разказывалъ другу всѣ придуманныя имъ исторіи, а писать долго не пробовалъ.

И вдругъ, неожиданно нежданно, на Алешу свалилось страшное горе. Умеръ его товарищъ. Ужасно горевалъ о немъ мальчикъ, мѣста себѣ не находилъ, даже къ книгамъ, какъ будто, охладѣлъ. А пріятель, умирая, попросилъ отца отдать всю библіотеку другу его, Алешѣ. И когда Алеша немного успокоился, то перетащилъ къ себѣ въ каморку всѣ книги. И опять принялся за чтеніе. Но читать одному было уже не такъ весело, да и поговорить о прочитанномъ стало совсѣмъ не съ кѣмъ.

Книгъ для чтенія хватило на цѣлыхъ три года, потому что у Алешы было мало свободнаго времени. Цѣлыми днями онъ сидѣлъ за прилавкомъ и, кромѣ того, отецъ бралъ его постоянно съ собой въ развѣзды по торговымъ дѣламъ.

Когда же наконецъ всѣ книги были перечитаны, Алеша, уже пятнадцатилѣтній мальчикъ, опять частенько бѣгалъ за новыми на базарь. Какъ-то случайно попался ему сборникъ стихотвореній Димитріева. Это было въ первый разъ, что Алеша узналъ стихи. Они прежде всего поразили его своимъ

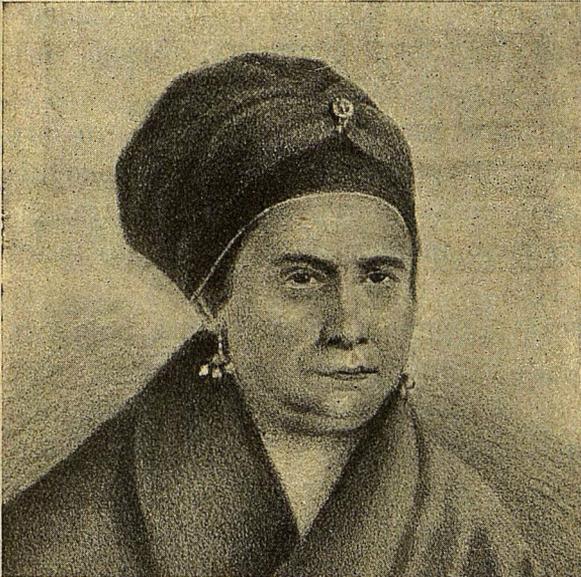
складомъ. Складъ показался ему похожимъ на пѣсенный, и онъ рѣшилъ, что стихи не читаютъ, а поютъ. Онъ побѣждалъ съ книгой въ садъ и сталъ тамъ распѣвать стихи одинъ за другимъ. Ужасно это его увлекло. Нѣсколько дней распѣвалъ онъ Дмитріева, выучилъ его наизусть и опять почувствовалъ то, что, по всей вѣроятности, чувствовалъ безобразный утенокъ въ сказкѣ Андерсена, когда у него отrostали и крѣпли будущія лебединыя крылья и ему неудержимо хотѣлось пошевелить ими. Такъ и Алешѣ хотѣлось сочинять, только онъ никакъ не могъ придумать, о чемъ ему написать.

Ему казалось, что ни въ его жизни, ни въ томъ, что онъ видѣлъ кругомъ, нельзя было найти ровноты хоть сколько-нибудь подходящаго. Все было такъ просто, а ему представлялось, что сочинитель долженъ непременно писать о чемъ нибудь необыкновенномъ.

И вдругъ, какъ разъ кстати, приходитъ къ Алешѣ пріятель и рассказываетъ ему, какъ три ночи подъ рядъ ему являлась во снѣ одна и та же таинственная женщина. Рассказъ показался очень интереснымъ Алешѣ и необыкновенно подходящимъ для сочинителя. Въ первую же свободную минуту онъ улизнулъ отъ своихъ домашнихъ въ завѣтную каморку. Не долго думая, развернулъ передъ собою для образца страницу со стихотвореніями Дмитріева и принялся сочинять. Трудился онъ ужасно, старался, какъ только могъ. Наконецъ кончилъ. Захотѣлось ему кому-нибудь прочесть то, что написалъ, а читать некому. Отецъ не только не станетъ слушать, а пожалуй еще и побьетъ за баловство, да и понимаетъ онъ въ книгахъ мало. Мать понимаетъ и того меньше да и не до чтенія ей: у нея дѣти, хозяйство. Пріятелю, который рассказалъ сонъ, Кольцовъ тоже не особенно довѣрялъ. А посоветоваться ему съ кѣмъ-нибудь было необходимо.

Думаль, думаль Кольцовъ, къ кому бы обратиться и рѣшилъ, что лучше всего пойти въ книжную лавку. Ужъ разъ тамъ книгами торгуютъ, то навѣрное знаютъ толкъ и въ томъ, что пишутъ.

На счастье Кольцова онъ попалъ къ человѣку, который выбралъ книжную торговлю дѣйствительно изъ любви къ

Мать Кольцова.

книгамъ и кое-что понималъ въ нихъ. Купецъ этотъ прямо сказалъ Кольцову, что стихи его кажутся ему совѣмъ плохими, хотя онъ и не можетъ объяснить, почему именно. Но что есть такая книжка „Русская Просодія“, гдѣ сказано, какъ надо писать стихи. И было, вѣроятно, въ мальчикѣ, одѣтомъ въ затасканный полушубокъ, что-то такое, что тронуло купца. Ему захотѣлось помочь ему и онъ

не только подарилъ Кольцову эту „Русскую Просодию“, но еще и предложилъ брать безъ всякой платы книги для прочтенія изъ его магазина. Кольцовъ вернулся домой въ восторгѣ. Стихи его оказались плохими, но теперь это его не огорчало. У него въ рукахъ была книга, по которой можно было научиться писать хорошіе стихи. А кромѣ этой чудесной таинственной книги у него вдругъ оказалась еще и цѣлая библіотека. Это

было необыкновенное счастье. Последнее время онъ перечитывалъ одни и тѣ же книги. Новыхъ доставать было неоткуда. Съ этого дня Кольцовъ зачастилъ къ знакомому пріятелю-купцу. Тотъ, какъ человѣкъ болѣе знающій, самъ выбиралъ ему книги, и Кольцовъ познакомился съ такими настоящими большими поэтами, какъ Жуковскій и Пушкинъ.

Но попытки Кольцова самому сочинять стихи были попрежнему неудачны. Даже „Русская Просодія“ не помогала. Не помогали и такіе образцы, какъ стихи Пушкина. Для того, чтобы сдѣлаться поэтомъ, Кольцовъ долженъ былъ не подражать другимъ, а найти свою собственную пѣсню.

Его пѣсня жила въ темномъ лѣсу, въ желтѣющихъ поляхъ, въ раздольѣ степей и во всемъ, что далеко отъ всего городского, пыльнаго, шумнаго, суетливаго. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, отецъ очень часто бралъ его съ собой, когда ѣздилъ по деревнямъ для торговли, возилъ сына и въ степи, куда сгоняли на пастбище скученный скотъ. Эти поѣздки по степямъ были у Алеши любимыми. Лѣтомъ онъ и совсѣмъ не возвращался домой. До глубокой осени кочевалъ вмѣстѣ со стадами. Часто, по цѣлымъ днямъ, не сходилъ съ лошади, перегоняя скотъ съ одного мѣста на другое. Ужиналъ степной, приготовленной на кострѣ, кашей. Отъ каши пахло дымомъ, отъ степи—травами. Въ потемнѣвшемъ воздухѣ звѣзды начинали мигать золотыми рѣсницами. Алеша, накрывшись тулупомъ, лежалъ на землѣ у потухающаго костра и долго, долго не засыпалъ. И глаза его и уши такъ и впивали въ себя всю окружающую его красоту и накоплялась она, живая и яркая, въ самыхъ скрытыхъ глубинахъ его души. Но когда ему хотѣлось писать и онъ мучился, придумывая, что бы такое сочинить, ни разу не приходило

ему въ голову написать стихи о томъ, что онъ видѣлъ и что любилъ больше всего на свѣтѣ. Нуженъ былъ какой нибудь толчекъ, чтобы Кольцовъ понялъ самого себя. И какъ вдругъ сверкнувшая молнія показываетъ дорогу заблудившемуся путнику, такъ неожиданное сильное горе вывело наконецъ Кольцова на его настоящій путь.

Въ семействѣ Кольцовыхъ жила крѣпостная дѣвушка. Она была умница и красавица и мало чѣмъ отличалась отъ, тоже малограмотныхъ, сестеръ Алексѣя Васильевича. Они полюбили другъ друга и Кольцовъ хотѣлъ на ней жениться. Родители, узнавъ объ этомъ, переполошились. Не о такой, конечно, невѣстѣ мечтали они для своего единственного сына. Имъ казалось, что женитьба съ крѣпостной погубитъ его. И вотъ какъ то, воспользовавшись его отсутствіемъ, старикъ отецъ продалъ дѣвушку куда-то на Донъ. Это такъ поразило Алексѣя Васильевича, что онъ, вернувшись домой, сильно заболѣлъ и едва не умеръ. Оправившись отъ болѣзни и при- занявши деньжонокъ у родныхъ и знакомыхъ, онъ бросился, какъ безумный, въ степи развѣдывать о своей несчастной невѣстѣ. Онъ не нашелъ ея.

Но сильное горе дало ему то, чего не могли дать никакіе образцы, никакія „Просодіи“. Кольцовъ поглубже заглянулъ въ себя, прислушался къ томѣ, что давно накопилось въ его душѣ, разобрался во всемъ этомъ и нашелъ наконецъ свою пѣсню.

Съ этого времени онъ уже пишетъ настоящіе хорошіе стихи. Ему въ голову больше не приходитъ выдумывать что-то необыкновенное. Онъ складываетъ стихи про то, что дѣйствительно переживаетъ и видитъ кругомъ себя.

Такъ, узнавъ, что любимая и безслѣдно пропавшая дѣвушка умерла гдѣ то въ Донскихъ степяхъ отъ тоски и же-

стокаго обращенія, онъ складываетъ трогательное стихотвореніе, которое начинается такъ:

Не шуми ты, рожь,
Сильнымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Дальше говорится о душѣ дѣвицѣ, которая спитъ могильнымъ сномъ, и съ тѣхъ поръ:

Тяжелыя горы,
Темныя полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Много хорошихъ стиховъ написалъ Кольцовъ и про любимую свою степь. Даже про милый его сердцу вечерній огонь, на которомъ варятъ степную кашу, упоминалъ не разъ:

Между воевъ огонь горитъ,
На таганкѣ котелъ виситъ,
Чумакаъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятить.

И дальше:

Бывало часто ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной.

И конечно, эти, близкія и понятныя ему народныя пѣсни, которыя онъ слышалъ съ самого дѣтства, сначала отъ няни и матери, потомъ по деревнямъ и въ степи, научили его лучше всякихъ книжекъ, какъ складывать стихи.

Много стиховъ написалъ Кольцовъ о крестьянской жизни. Онъ былъ первый поэтъ, который просто и задушевно заговорилъ о деревнѣ. До него никому и въ голову не приходило

складывать стихи про пахаря, косаря, жницу, а Кольцовъ заговорилъ и не только о нихъ, онъ не забылъ даже главную работницу и помощницу всякой крестьянской работы, лошадь мухортка—Сивку.

Долго не могъ Кольцовъ собраться напечатать свои стихотворенія. Отецъ сначала очень косо поглядывалъ на писаніе „стишковъ“, но когда увидѣлъ, что это не мѣшаетъ настоящему дѣлу, рѣшилъ не препятствовать.

— Пускай паренъ побалуется,—говорилъ онъ женѣ,—отъ этихъ занятій онъ и грамотѣ подучится, а въ торговомъ дѣлѣ, да особенно по теперешнимъ временамъ, оно и не лишнее. — Но денегъ на печатаніе „стишковъ“, конечно, не давалъ. Кончилось тѣмъ, что друзья—пріятели изъ семинаристовъ, восхищавшіеся пѣснями Кольцова, сдѣлали складчину и отпечатали книжку.

Это была совсѣмъ тоненькая книжечка, въ нее вошло всего восемнадцать стихотвореній, но она дала Кольцову имя. Теперь не только въ Воронежѣ, но даже и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ узнали новаго поэта. А когда Кольцовъ по торговымъ дѣламъ попалъ въ эти города, писатели встрѣтили его уже, какъ своего и, не смущаясь его страннымъ видомъ и простонародною рѣчью, звали къ себѣ и запросто, и на большія собранія. Такъ попалъ Кольцовъ и къ Жуковскому. Даже Пушкинъ заинтересовался имъ и позвалъ его къ себѣ. Родной городъ своими глазами увидѣлъ, въ какомъ почетѣ сынъ Василія Петровича Кольцова и какія у него знакомства. Жуковскій проѣзжалъ съ наслѣдникомъ черезъ Воронежъ и всѣ три дня, которые онъ прожилъ въ этомъ городѣ, почти не разставался съ Алексѣемъ Васильевичемъ. Всѣ видѣли, какъ они вдводемъ ходили по улицамъ, гуляли по бульвару, присаживались на скамейки.

А потомъ такой знатный баринъ и такой заслуженный человекъ, какъ Жуковскій (о томъ, что онъ поэтъ въ городѣ мало знали и это въ счетъ не шло), самъ пріѣхалъ въ домъ воронежскаго прасола, бесѣдовалъ со стариками и пилъ у нихъ чай.

Тутъ даже и старикъ отецъ повѣрилъ, что „стишки“ чего то стоили и сталъ хвастать сыномъ.

— Алешка мой написалъ такой важный пѣсенникъ, — рассказывалъ онъ знакомымъ, — что его въ Питеръ вызываютъ и обѣщаютъ царскую награду. Ёхать въ Питеръ и отпечатать пѣсенникъ будетъ стоить большихъ денегъ, а только ихъ не жаль, потому что это такое дѣло, что дастъ большой капиталъ.

Но надежды отцовскія не оправдались. Стихи не только не дали большого капитала, но даже и въ торговомъ дѣлѣ пошли убытки.

Сынъ, узнавъ новую жизнь и новыхъ людей, совершенно охладѣлъ къ торговлѣ. Попадая съ товаромъ въ Петербургъ и Москву, продавалъ все кое-какъ, а отецъ старѣлъ и ему, болѣе чѣмъ когда-либо, хотѣлось видѣть въ сынѣ помощника. И для сына и для отца всего лучше было бы разъѣхаться. Алексѣй Васильевичъ только и мечталъ объ этомъ. Всѣмъ друзьямъ своимъ писалъ онъ о томъ, что ему невыносимо въ Воронежѣ, что домашніе стали ему врагами, а чужіе смотрять на него, какъ на „чудо морское“. Все это сознавалъ Кольцовъ, обо всемъ этомъ писалъ... и сидѣлъ въ Воронежѣ. Сидѣлъ, потому что не было у него денегъ на устройство въ Петербургѣ, а стихами прожить онъ не могъ. Но главнымъ образомъ, сидѣлъ онъ, сознавая и чувствуя, что и тамъ, среди образованныхъ людей, куда его тянуло, онъ тоже не вполне свой. Слишкомъ онъ мало учился, даже

писать правильно не могъ. И это чувство, что онъ былъ чужимъ и домашнимъ, отъ которыхъ хотѣлъ уйти, и тѣмъ людямъ, къ которымъ его тянуло,—терзало его всего больше, потому что помочь этому было невозможно. Кончилось все тѣмъ, что къ измученному Кольцову подкралась чахотка и онъ умеръ всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Умеръ Кольцовъ, умеръ и отецъ его.

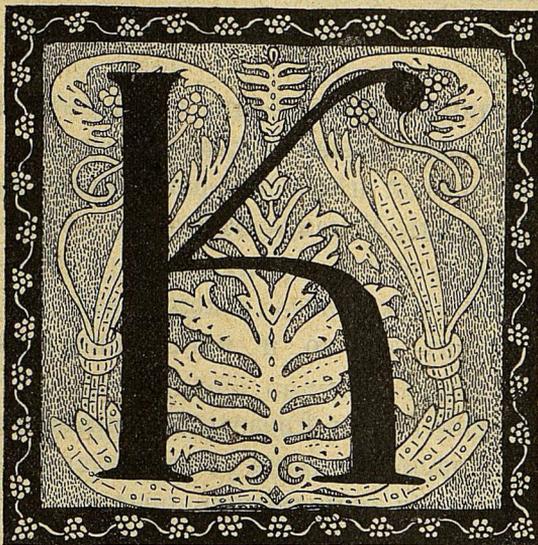
Оба умерли несчастными, потому что, хотя и любили другъ друга, но понять одинъ другого не могли. Люди умерли, но пѣсня, пропѣтая однимъ изъ нихъ, осталась. Стихи Кольцова живы, ихъ знаетъ всякій грамотный человекъ въ Россіи. Да и въ родномъ городѣ своемъ онъ не забытъ. Похороненъ онъ на старомъ, теперь уже заброшенномъ кладбищѣ. Густо разрастается тамъ бурьянъ среди забытыхъ могилъ, но къ могилѣ Кольцова всегда ведетъ, не заростая, узенькая тропинка.

— Такъ по тропкѣ и идите, — объясняетъ церковный сторожъ, когда его спрашиваютъ, какъ пройти на могилу Кольцова. — Молодежи здѣсь много ходитъ, — прибавляетъ онъ, — они и протоптали.

П. Мамаевъ.

Исторія воздухоплаванія.

Какъ пробовали летать въ старой Руси.

ОГДА вспоминаютъ всѣ попытки летать по воздуху, то честь перваго изобрѣтенія приписываютъ братьямъ Монгольферамъ. Они первые показали всему міру, какъ можно подняться отъ земли вверхъ на легкомъ шарѣ и за это ихъ осыпали наградами, а головы ихъ увѣнчали лавровыми вѣнками. Но если бы они

знали судьбу настоящаго перваго изобрѣтателя, они навѣрно сняли бы съ своей головы вѣнокъ и передали славному собрату, который на поль-вѣка раньше додумался до того же. Этотъ изобрѣтатель былъ *русскій*.

Вотъ что говорится о немъ въ одной старинной рукописи:

„1731 года ¹⁾ въ Рязани при воеводѣ подъячій Нерехтець Крякупный Фурвинъ сдѣлалъ какъ мячъ большой, налилъ дымомъ поганымъ и вонючимъ, отъ него сдѣлалъ петлю и сѣлъ въ нее, и нечистая сила подняла его выше березы и

¹⁾ Братья Монгольферы изобрѣли въ 1783 году—на 52 года позже.

послѣ ударила его о колокольню, но онъ уцѣпился за веревку, чѣмъ звонять и остался тако живъ. Его выгнали изъ города, онъ ушелъ въ Москву и хотѣли закопать живымъ или сжечь“.

Изъ этого видно, что это изобрѣтеніе не только не принесло ему славы и чести, но за него грозила смерть.

Да это и не единственный изобрѣтатель въ Россіи. Оказывается, осталось воспоминаніе о нѣсколькихъ такихъ „держкихъ“ попыткахъ.

Такъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго (въ 16-мъ вѣкѣ) какой-то смердь Никитка, боярскаго сына Лупатова холопъ, изобрѣлъ такую машину, на которой нѣсколько разъ облетѣлъ вокругъ Александровской слободы. Узналъ объ этомъ царь Грозный и разгнѣвался. Навѣрно этотъ „выдумщикъ имѣеть дружество съ нечистою силой“ и хочетъ „обколдовать“ его любимую слободу, въ которой онъ только и могъ спастись отъ „измѣнщиковъ“.

Такъ понялъ это изобрѣтеніе Іоаннъ Грозный и приказалъ отрубить „выдумщику“ голову, тѣло отдать на съѣденіе свиньямъ, а машину, послѣ богослуженія, уничтожить огнемъ.

Подобное обращеніе съ „летателями“ нагнало такой страхъ, что никто бы и не осмѣлился объявить царю о своемъ изобрѣтеніи.

Но прошло время, страхъ ослабѣлъ и снова явился „странный“ челоуѣкъ, неизвѣстный мужичонко. Онъ случайно попалъ къ князю Проскурову (1695 г.), начальнику стрѣльцовъ, и сообщилъ ему: „Дошелъ я умомъ своимъ до великой хитрости, сдѣлати себѣ крыле слюдныя, подобіемъ аки-бы птичьи, и учну летати на тѣхъ крылахъ яко журавель въ поднебесьи. Бью челомъ о государевѣ жалованьи, чтобы великій государь смиловался, пожаловалъ мнѣ, холопу своему, на что-бы мнѣ тѣ крыла слюдныя построити“.

Князю эта затѣйная мысль понравилась, и приказалъ:

„Выдать холопу такому-то деньги изъ государевой казны, пусть строитъ слюдяныя крыла и учнетъ летать въ поднебесьи по журавлиному“.

Работа закипѣла, бояринъ покровительствовалъ изобрѣтателю: его тѣшила мысль показать всѣмъ летающаго человѣка.

Крыла эти „стали казнѣ восемнадцать рублевъ“.

Насталъ день испытанія. Собралось много зрителей—бояре и стрѣльцы, и просто народъ.

Всѣмъ любопытно было поглядѣть на неслыханную хитрость.

И вотъ явился человѣкъ съ крылами, подобными птицамъ. Привязалъ ихъ подъ мышки, перекрестился и пустился въ бѣгъ. Но, не смотря на всѣ усилія, отъ земли не поднялся.

Разгнѣвался князь. А холопъ, валяясь въ ногахъ у князя, объяснялъ свою неудачу:

„Потому я, княже, не полетѣлъ по журавлиному, что грузны вышли крыла слюдныя. Помилуй, государь, вели учинить крыла иршеня (изъ тонкой кожи), и на тѣхъ на иршеныхъ крылахъ прямо полечу я, холопъ твой, журавлинымъ обычаемъ“.

Смягчился князь. Опять принялись за работу, истратили еще „пять рублевъ“, сдѣлали „крыла иршеня“.

Опять насталъ день, собрались вновь смотрѣть полеть человѣка „журавлинымъ обычаемъ“, но и эти крыла не подняли человѣка.

„И учинено было изобрѣтателю за тѣ причуды наказаніе: бить батоги, и тѣ деньги 23 рубля, велѣно доправить на немъ и продать животы ево и остатки“.

Потомъ, въ 1699 г. нѣкій стрѣлецъ Сѣровъ, „наглядѣв-

пись на полеть голубей“, самъ сдѣлалъ „крыле великія изъ крыльевъ голубей“, взвился на нихъ на 7 аршинъ и упалъ. Народъ счелъ его „юродивымъ“.

Еще упоминается о кузнецѣ, по имени Гернакъ-Гроза, который самъ выковалъ тонкія проволоки, сдѣлалъ изъ нихъ крылья, покрылъ холстомъ и собирался летать. Всѣ кругомъ глядѣли на него, какъ на колдуна. „Попъ крылья сжегъ и его едва не проклялъ“.

Эти послѣдніе изобрѣтатели были въ царствованіе Петра Великаго.

Зналъ-ли онъ объ нихъ — неизвѣстно, только самъ онъ во время закладки Петро-Павловской крѣпости сказалъ своему любимому приближенному:

„Не мы, а наши правнуки будутъ летать по воздуху, ако птицы“. Онъ предвидѣлъ эту возможность, и если бы явился къ нему такой изобрѣтатель, онъ-бы навѣрно его поддержалъ и помогъ бы ему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

(Окончаніе).

ОДНА только ящерица была слишкомъ потрясена, чтобы что-нибудь дѣлать, и сидѣла, разинувъ ротъ и глядя на потолокъ зала суда.

— Что ты знаешь объ этомъ дѣлѣ?—спросилъ Король у Алисы.

— Ничего,—отвѣчала Алиса.

— Такъ таки ничего?—настаивалъ Король.

— Такъ таки ничего,—подтвердила Алиса.

— Это очень важно,—сказалъ Король, обращаясь къ присяжнымъ.

Они начали было записывать эти слова на своихъ доскахъ, какъ вдругъ Бѣлый Кроликъ вмѣшался.

— Ваше величество хотѣли, конечно, сказать: *неважно*,—сказалъ онъ очень почтительно, но хмурясь и дѣлая гримасы Королю.

— *Неважно*, ну, конечно, я это и хотѣлъ сказать,—быстро подтвердилъ Король и сталъ повторять про себя въ полголоса:

— Важно... неважно... неважно... важно...—какъ бы пробуя, какое слово лучше звучить.

Нѣкоторые изъ присяжныхъ записали „важно“, а нѣкоторые „неважно“. Алиса это видѣла, такъ какъ стояла довольно близко и могла смотрѣть на ихъ доски.

„Впрочемъ, это ровно ничего не мѣняетъ“, подумала она.

Въ эту минуту Король, усердно записывавшій что то въ своей записной книжкѣ, произнесъ:

— Тихе!—и прочелъ:—„Правило сорокъ второе. Всякій, болѣе версты ростомъ, долженъ оставить залу суда“.

Всѣ взглянули на Алису

— Во мнѣ нѣтъ версты,—сказала Алиса.

— Нѣтъ, есть,—возразилъ Король.

— Въ тебѣ немногимъ меньше двухъ верстъ,—прибавила Королева.

— Ну, хорошо, но я все-таки не уйду,—сказала Алиса,— и кромѣ того, это невѣрное правило: вы только что его придумали.

— Это самое древнее правило изъ всей книги,—возразилъ Король.

— Въ такомъ случаѣ, оно должно было бы стоять первымъ номеромъ,—сказала Алиса.

Король поблѣднѣлъ и быстро захлопнулъ свою записную книжку.

— Обсудите вашъ приговоръ,—произнесъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ, тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Еще новое свидѣтельское показаніе, съ позволенія вашего величества,—сказалъ Бѣлый Кроликъ, быстро вскакивая,—сейчасъ только что подняли вотъ эту бумагу.

— А что въ ней?—спросила Королева.

— Я еще не открывалъ ея,—отвѣчалъ Бѣлый Кроликъ,—но, повидимому, это письмо, написанное заключеннымъ... кому-нибудь.

— Да, это самое вѣроятное,—подтвердилъ Король,—такъ какъ, если оно не написано кому-нибудь, то, значитъ, написано никому, что, какъ вамъ извѣстно, представляетъ собою очень рѣдкій случай.

— Кому оно адресовано?—спросилъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Никому не адресовано,—отвѣчалъ Бѣлый Кроликъ,—и съ наружной стороны ничего не написано.

Говоря это, онъ развернулъ бумагу и прибавилъ:

— Въ концѣ концовъ, это даже не письмо, а рядъ какихъ-то стиховъ.

— Они написаны почеркомъ обвиняемаго?—спросилъ другой присяжный.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Бѣлый Кроликъ. — (Всѣ присяжные пришли въ сильное замѣшательство).

— Онъ, должно быть, подражалъ чьему-нибудь почерку, — сказалъ король. (Всѣ присяжные снова просіяли).

— Съ позволенія вашего величества, — произнесъ Валетъ, — я этого не писалъ, и они не могутъ доказать, что это я сдѣлалъ: въ концѣ нѣтъ никакой подписи.

— Что ты не подписался, — сказалъ Король, — это только ухудшаетъ дѣло. Это доказываетъ, что ты хотѣлъ обмануть, такъ какъ иначе непременно подписался бы, какъ всякій порядочный человѣкъ.

Тутъ всѣ захопали въ ладоши: это были первыя умныя слова, произнесенныя за этотъ день Королемъ.

— Конечно, это доказываетъ его виновность, — сказала Королева, — а потому долой ему...

— Это ровно ничего не доказываетъ, — прервала ее Алиса. — Вы даже не знаете, что тамъ написано.

— Прочитай, — сказалъ Король.

Бѣлый Кроликъ надѣлъ очки.

— Откуда прикажете начинать, ваше величество? — спросилъ онъ.

— Начинай съ начала, — отвѣчалъ съ важностью король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись.

Въ судѣ воцарилось мертвое молчаніе, и Бѣлый Кроликъ прочелъ слѣдующіе стихи:

Я слышалъ, что ты шель съ нимъ къ ней

И, сидя на лугу,

Сказалъ, что я теперь умнѣй,

Но плавать не могу.

Онъ имъ послалъ сказать, что я
Ушелъ, и былъ онъ правъ,
Она же, дружбу ихъ цѣня,
Хвалила мнѣ твой нравъ.

Я далъ ей два, онъ вамъ одинъ,
Вы намъ—и три, и пять,
Но мы, по множеству причинъ,
Не въ силахъ сосчитать.

Когда бъ я съ ней къ нимъ подходилъ
И придалъ смыслъ словамъ,
Онъ всѣхъ бы ихъ освободилъ,
Сказавъ и намъ, и вамъ.

Отъ васъ не скрылъ я ихъ слѣда
За много, много дней.
Помѣхой стали, господа,
Вы между мной и ей.

Вы скрыли ото всѣхъ давно,
Не выдайте одной:
Вѣдь это тайной быть должно
Навѣкъ у васъ со мной.

— Это самое важное изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ показаній,—произнесъ Король, потирая руки,—а посему пусть присяжные...

— Если кто-нибудь изъ нихъ сумѣетъ это объяснить,—сказала Алиса (она настолько выросла за послѣднія минуты, что нисколько не боялась прервать его),—то я дамъ ему четвертакъ. Мнѣ не кажется, чтобы тутъ была хоть капля смысла.

Всѣ присяжные принялись писать на своихъ доскахъ: „Ей не кажется, чтобъ тутъ была хоть капля смысла“, но ни одинъ не попробовалъ объяснить содержаніе написаннаго въ бумагѣ.

— Если смысла нѣтъ, — сказалъ Король, — то это избавляетъ насъ отъ множества хлопотъ, такъ какъ не понадобится отыскивать смыслъ. Но я не знаю, — продолжалъ онъ, раскладывая бумагу на колѣнѣ и глядя на нее однимъ глазомъ, — мнѣ, все-таки, кажется, что я вижу нѣкоторый смыслъ. „*Но плавать не могу...*“ ты можешь плавать, умѣешь? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Валету.

Валетъ грустно и отрицательно покачалъ головой.

— Развѣ по мнѣ это не видно? — сказалъ онъ.

(Ясно было, что онъ не могъ плавать, такъ какъ весь былъ сдѣланъ изъ карточной бумаги).

— Отлично. Теперь дальше, — сказалъ Король и продолжалъ, бормоча про себя отдѣльныя строки стиховъ: — „...и былъ онъ правъ“, это про меня, конечно... „Я далъ ей два, онъ вамъ — одинъ“ это, конечно, относится къ пирожкамъ...

— Но дальше стоитъ: „...мы по множеству причинъ не въ силахъ сосчитать“, — сказала Алиса.

— Тутъ для размѣра пропущено слово „были“ — возразилъ Король, — теперь пирожки на лицо, и мы можемъ ихъ сосчитать. — И онъ поглядѣлъ на всѣхъ съ торжествующимъ видомъ, указывая на пирожки. — Это все ясно, какъ Божій день. Теперь дальше: „Когда бъ я съ ней къ нимъ подходилъ“... Ты никогда не подходила съ нимъ къ пирожкамъ, дорогая моя? — спросилъ онъ у Королевы.

— Никогда! — отвѣчала Королева, внѣ себя отъ ярости, и швырнула чернильницей въ ящерицу. (Несчастный маленькій Билль бросилъ, было, писать по доскѣ пальцемъ, такъ какъ убѣдился, что отъ этого не оставалось никакого слѣда, но теперь поспѣшилъ начать снова записывать при помощи чернилъ, стекавшихъ у него съ лица).

— А если ты не подходила, то и эта фраза къ тебѣ не

подходить, — проговорилъ Король, оглядываясь съ улыбкой на членовъ суда.

Отвѣтомъ ему было мертвое молчаніе.

— Это игра словъ! — прибавилъ Король сердито, и все засмѣялись.

— Пусть присяжные обсудятъ все показанія, — произнесъ чуть ли не въ двадцатый разъ за этотъ день Король.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричала Королева, — сначала пусть произнесутъ приговоръ, а потомъ обсуждаютъ.

— Это глупо и бессмысленно! — громко проговорила Алиса. — Вѣдь выдумаетъ же только: сначала приговоръ!

— Попридержи язычекъ! — закричала Королева, багровѣя.

— И не подумаю, — сказала Алиса.

— Долой ей голову! — завопила во весь голосъ Королева.

Никто не двинулся.

— Вы думаете, васъ кто-нибудь боится? — спросила Алиса (она къ этому времени доросла до своего естественнаго роста). — Все то вы колода картъ, и больше ничего!

— „Я далъ ей два, онъ вамъ—одинъ“ это, конечно, относится къ пирожкамъ.

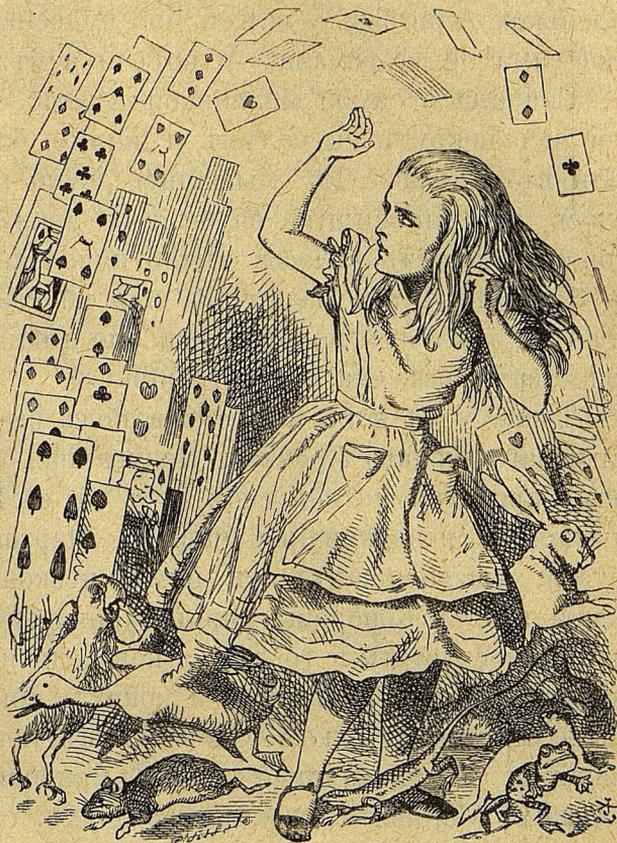
При этихъ словахъ вся колода взлетѣла на воздухъ и стала спускаться на Алису. Алиса слегка вскрикнула, не то отъ страха, не то отъ гнѣва, стараясь отбиться отъ картъ, и увидѣла, что лежитъ на скамейкѣ, положивъ голову на колѣни къ сестрѣ, которая осторожно снимаетъ съ ея лица сухіе, упавшіе съ деревьевъ листья.

— Проснись, милая Алиса! — сказала сестра. — Ну и долго же ты спала, вотъ заспалась-то!

— Ахъ, какой я странный сонъ видѣла! — проговорила Алиса. И она передала сестрѣ, насколько могла запомнить, всѣ удивительныя приключенія, о которыхъ вы только что читали.

Когда она кончила, сестра поцѣловала ее и сказала:

— Въ самомъ дѣлѣ, дорогая, это былъ необыкновенный сонъ; ну, а теперь бѣги пить чай, а то поздно становится.

Вся колода взлетѣла на воздухъ и стала спускаться на Алису.

Алиса встала и убѣжала, думая на бѣгу о томъ, какой странный сонъ ей приснился.

А сестра ея осталась сидѣть на томъ же мѣстѣ, подперла голову рукой, глядя на заходящее солнце и думая о маленькой Алисѣ и о всѣхъ ея чудесныхъ приключеніяхъ, пока сама не задремала,—и вотъ о чемъ она грезила:

Сначала о самой маленькой Алисѣ: снова маленькія руки обвились вокругъ ея колѣнъ и живые, блестящіе глазки глядѣли въ ея глаза. Ей слышались звуки голоса Алисы, и казалось, что она видитъ ея быстрое движеніе головой, чтобы отбросить назадъ волосы, вѣчно наползавшіе ей на глаза.

При этомъ она различала или ей казалось, что она различаетъ, какъ все вокругъ оживало и наполнялось странными существами изъ сна ея сестренки.

Трава у ея ногъ шелестѣла подъ быстрыми шагами пробѣгавшаго Бѣлаго Кролика. Испуганная Мышь расплескивала воду, пролагая по ней себѣ путь въ сосѣднемъ прудкѣ. Ей слышалось позвякиваніе чашекъ Мартовскаго Зайца и его друзей, раздѣлявшихъ съ нимъ нескончаемое чаепитіе, и рѣзкій голосъ Королевы, приговаривавшей къ казни всѣхъ своихъ несчастныхъ гостей. Снова дитя-Поросенокъ чихаль на колѣняхъ у Герцогини, а вокругъ нихъ трещали, разбиваясь, тарелки и блюда. Снова крикъ Грифа, скрипъ грифеля ящерицы и сдавленный пискъ приводимыхъ къ порядку Морскихъ Свинокъ наполняли воздухъ, смѣшиваясь съ отдаленными рыданьями злополучной Черепахи изъ телячьей головки.

Такъ она сидѣла съ закрытыми глазами, чуть ли не воображая, что сама попала въ страну чудесъ, хотя отлично знала, что стоитъ ей открыть глаза, и все превратится въ скучную дѣйствительность: трава будетъ шелестѣть отъ

вѣтра, а прудокъ подергиваться рябью отъ движенія тростника. Позвякиванье чашекъ превратится въ звонъ колокольчиковъ овечьяго стада; рѣзкіе возгласы Королевы—въ голоса пастушатъ; чиханіе ребенка, крики Грифа и всѣ другіе странные звуки превратятся (она это знала) въ смутный шумъ на фермѣ и скотномъ дворѣ, а далекое мычанье теленка смѣнитъ тяжелыя всхлипыванья Черепахи изъ телячьей головки.

Наконецъ, ей представилось, какъ ея сестренка современемъ сама станетъ взрослой женщиной, сохраняя и въ зрѣлыя годы простое и любящее дѣтское сердце; какъ она будетъ смотрѣть на своихъ дѣтей, и какъ ихъ глазки будутъ оживляться и загораться отъ ея разказовъ про разныя удивительныя приключенія, можетъ быть, даже про страну чудесъ, приснившуюся ей давнымъ-давно; и какъ она будетъ сочувствовать всѣмъ ихъ печалямъ и радостямъ, вспоминая свое собственное дѣтство и счастливые лѣтніе дни.

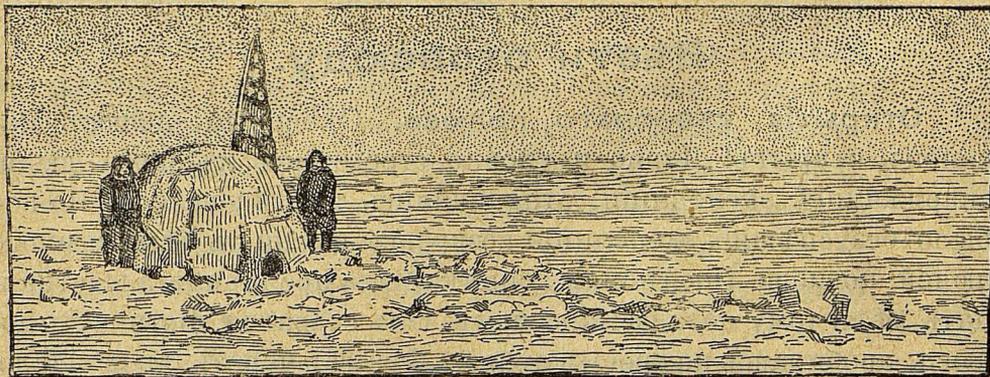
К О Н Е Ц Ъ .

Вѣсти отовсюду.

Открытіе сѣвернаго полюса. Сѣверный полюсъ наконецъ открытъ! Давно и упорно стремились къ нему люди, снаряжались экспедиціи, отправлялись изслѣдователи. Но все было безуспѣшно: экспедиціи возвращались ни съ чѣмъ и много людей погибло. Послѣдняя попытка была предпринята шестнадцать лѣтъ тому назадъ Нансеномъ. Онъ старался достигнуть полюса, пробираясь на своемъ суднѣ „Фрамъ“ черезъ льды Ледовитаго океана. Однако и эта смѣлая экспедиція мало помогла разгадкѣ тайны сѣвернаго полюса. И вдругъ, въ нынѣшнемъ сентябрѣ пронеслась вѣсть, что полюсъ открытъ, что до него

добрался даже не одинъ человекъ, а сразу двое. 1-го сентября американецъ Кукъ телеграфироваль, что водрузиль тамъ американское знамя, а 7-го числа пришла телеграмма отъ другого американца, Пири, который тоже сообщаль, что добрался до полюса и тоже водрузиль тамъ знамя.

И Пири, и Кукъ оспариваютъ другъ у друга честь открытiя, каждый хочетъ доказать, что это именно онъ открыль, каждый приводитъ свои доказательства. Мнѣнiя людей раздѣлились. Всѣ спорять и не знаютъ пока, кого изъ двухъ по праву слѣдуетъ признать за дѣйствительно открывшаго полюсъ. Но попалъ ли первымъ Кукъ или Пири на недоступную до сихъ поръ точку—это въ концѣ концовъ важно только для самого Кука и Пири. Самое главное это то, что человекъ вообще попалъ на полюсъ и увидѣль, что тамъ. До сихъ поръ и Кукъ и Пири согласны въ одномъ: на полюсѣ нѣтъ ни земли ни жизни—одни безконечныя ледяныя поля кругомъ. Бѣлая пустыня, удручающій холодъ и больше ничего. Въ этомъ вся тайна полюса.

Два эскимоса и ледяная хижина, въ которой Кукъ провелъ съ ними 21 и 22 апрѣля 1908 г.
На хижинѣ флагъ Соединенныхъ Штатовъ.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о полученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-й р. къ 1-му Мая.

6. Желющіе получить рукопись обратно должны присылать почтовый марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Вальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, Э. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, З. Гишюсъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковский, В. Малахѣва-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насветова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Подивановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Ф. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургенъ), В. Успенскій, Н. Шаширъ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Вилибинъ, Т. Гишюсъ, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3 руб.**,
на полгода **2 руб.**, за границу **5 руб.**

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасина.*